Гендерные лики истории

DOI 10.15826/koinon.2021.02.4.045
УДК 94(100)»1939/45» + 327.36 + 001.32-055.52

ВОЙНА В БИОГРАФИИ ЖЕНЩИНЫ-УЧЕНОГО; ЖЕНЩИНА-УЧЕНЫЙ В БИОГРАФИИ ВОЙНЫ

О. А. Валькова
Институт истории естествознания и техники РАН
Москва, Россия

Аннотация: В статье рассматривается отношение советского правительства к женщинам-ученым как к возможному орудию политической пропаганды на международной арене. Исследуется международная деятельность советских женщин-ученых, направленная на пропаганду мира и деятельности СССР в этом направлении среди членов зарубежных женских организаций и участников различных «мирных» конгрессов и конференций, с одной стороны, и деятельность тех же женщин-ученых в период Второй мировой войны по пропаганде позиции Советского Союза — с другой. На основании документов личного происхождения, а также воспоминаний анализируется отношение женщин-ученых к этой их роли.

Ключевые слова: женщина-ученый, Вторая мировая война, борьба за мир.

Для цитирования: *Валькова О. А.* Война в биографии женщины-ученого; женщина-ученый в биографии войны // Koinon. 2021. Т. 2. № 4. С. 151–162. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.4.045

© Валькова О. А., 2021

WAR IN THE BIOGRAPHY OF A WOMAN SCIENTIST; A WOMAN SCIENTIST IN THE BIOGRAPHY OF WAR

O. A. Valkova
Institute for the History of Science and Technology,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Abstract: The article examines the use of women scientists by the Soviet government as a possible tool of political propaganda in the international arena. The paper explores the international activities of Soviet women scientists aimed at promoting peace and the activities of the USSR in this area among members of foreign women's organizations and participants of various "peaceful" congresses and conferences, on the one hand, and the activities of the same women scientists during the Second World War to promote the position of the Soviet Union. On the basis of documents of personal origin, as well as memories, the attitude of women scientists to this role is analyzed.

Keywords: woman-scientist, World War II, struggle for peace.

For citation: Valkova, O. A. (2021), "War in the Biography of a Woman Scientist; A Woman Scientist in the Biography of War", *Koinon*, vol. 2, no. 4, pp. 151–162 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2021.02.4.045

В 50-х — начале 60-х гг. XX в. советские женщины-ученые, занимавшие высокое положение в научной иерархии, часто привлекались для участия в международных мероприятиях, прямо или косвенно связанных с борьбой за мир. Гидродинамик по своей научной специальности, академик АН СССР и супруга академика[1] Пелагея Яковлевна Кочина (1899–1999)[2] оставила воспоминания о подобных мероприятиях, в которых она принимала участие: «Первые мои поездки за границу были связаны с деятельностью Антифашистского комитета советских женщин (впоследствии переименованного в Комитет советских женщин), — писала она. — В ноябре 1948 г. Международная демократическая федерация женщин (МДФЖ), в которую входил наш Антифашистский комитет, организовала Второй международный конгресс женщин… Меня ввели в состав советской делегации, руководителем которой

[1] Муж П. Я. Кочиной — Кочин Николай Евграфович (1901–1944) — математик и механик, академик АН СССР с 1939 г.

[2] П. Я. Кочина была избрана членом-корреспондентом АН СССР в 1946 г. по отделению технических наук (гидродинамика), академиком в 1958 г. (Сибирское отделение, механика, гидродинамика).

была Нина Васильевна Попова» [Кочина 1974, с. 244]. Встреча проходила в Будапеште. П. Я. Кочина вспоминала, что проблемы борьбы за мир активно обсуждались на Будапештском конгрессе: «На конгрессе женщины выступали с горячими речами о мире между народами. Худощавая пожилая американка с большой энергией говорила о “кипучей жажде мира” у американских женщин» [Там же, с. 245]. В апреле 1950 г. П. Я. Кочина принимала участие в женском конгрессе, проходившем в Германской Демократической Республики, в Берлине, во время которого «обсуждались местные вопросы женских и детских организаций и общие вопросы мира» [Там же, с. 246]. Тогдашний председатель совета министров ГДР Отто Гротеволь (1894–1964) организовал прием для членов женских делегаций, причем каждой участнице была подарена чашка из Мейсенского фарфора с надписью, в переводе читавшейся как: «Правительство Германской Демократической Республики приветствует женщин, борющихся за мир. К 3-му Государственному конгрессу. Берлин, 21–24 апреля 1950 г.» [Там же, с. 247]. В 1959 г. П. Я. Кочина, также в составе официальной делегации, участвовала в конгрессе Союза итальянских женщин, проходившем в Риме. Опять-таки вопросы войны и мира были среди активно обсуждавшихся участницами: «В выступлениях, живых и горячих, женщины ставили разнообразные вопросы, которые их глубоко волновали. Женский вопрос теснейшим образом связан с острыми проблемами современности, поэтому выступавшие говорили и об атомной опасности, и о расстановке ракетных баз в Италии, и об общей безработице и о забастовочных движениях в Италии» [Там же, с. 249].

Участие П. Я. Кочиной в этих мероприятиях было представительским. Как она писала о конгрессе в Будапеште, «будучи пассивной участницей конгресса, нигде не выступая, я с большим интересом смотрела на всё» [Там же, с. 245]. Однако этим ее участие не ограничивалось. «В перерывах между заседаниями мы общались с различными делегатками конгресса», — вспоминала она. И это, безусловно, была очень важная составляющая ее миссии. Подобное «живое» общение, по мнению советских официальных лиц, вполне можно было доверить высокопоставленной женщине-ученой. Она представляла собой живую рекламу советского образа жизни и достижений советской власти: женщина прекрасно образованная, свободно владеющая иностранными языками, работающая в исключительно мужской, элитарной области, более того, занимающая высокое положение — наглядная, подлинная демонстрация введенного в СССР равноправия полов.

Однако в послевоенные годы женщин-ученых привлекали и в качестве выступающих перед зарубежной аудиторией. Например, сохранились записанные тексты выступления первой в СССР женщины — доктора геолого-минералогических наук Веры Александровны Варсанофьевой (1889–1976) с призывами к борьбе за мир. Одно из них было передано 9 июня 1958 г.

«для опубликования в радиокомитете»[3] в преддверии 3-го Всемирного конгресса мира в Стокгольме, который поддерживавшийся усилиями СССР Совет мира планировал провести в июле 1958 г. Конечно, это выступление было политическим, содержало риторику своего времени и очевидно ставило задачу пропаганды усилий СССР в борьбе за мир и его мирных инициатив, но одновременно оно было абсолютно искренним. Пол автора выдает, пожалуй, главным образом страстность речи, такая нехарактерная обычно для официальных речей. Эта же страстность выдает человека, пережившего уже две мировых войны, и, безусловно, ученого. «Война всегда была величайшим бедствием для населения тех стран, которые в нее вовлекались, независимо от того, была ли данная страна победительницей или побежденной», — начала свое выступление В. А. Варсанофьева. «С усовершенствованием военной техники это бедствие становилось все более грозным. Вторая мировая война, во время которой гибло мирное население и разрушались до основания города, вызвала резкий протест народных масс против подготовки третьей империалистической войны… — продолжала она. — Величайшие достижения современной науки — овладение силами атомного ядра, грандиозной энергией атомного распада — были направлены руководителями империалистического лагеря на создание страшнейших орудий истребления людей, на разрушение того, что создано их гением и трудом»[4].

Произносивший эти слова, безусловно, верит в то, о чем говорит. Влияние на слушателей увеличивается еще и потому, что произносит эти слова ученый — ученый, абсолютно уверенный в торжестве науки, в ее необходимости для процветания планеты, в том, что наука приносит человечеству пользу; ученый, искренне и глубоко переживающий, что изумительные и вдохновляющие научные достижения используются ради такой чудовищной цели. Далее В. А. Варсанофьева сказала несколько слов о Совете мира и предпринимавшихся этой организацией усилиях в борьбе за мир, о роли в этом деле СССР. Заканчивалось выступление яростным призывом, тем более действенным, что говорившая, безо всяких сомнений, искренне верила в то, о чем говорила: «В июле 1958 года Всемирный совет мира созывает в Стокгольме 3-й Всемирный конгресс мира по вопросу о разоружении и международном сотрудничестве. Лучшие представители всех народов соберутся на этом конгрессе с надеждой и уверенностью в том, что силы мира восторжествуют над силами войны. Голос разума, вера в лучшее будущее человечества, освобождение от ужасов войны победят стремление к уничтожению людей, к разрушению всего того, что создано человечеством в его культурной эволюции». «Делегаты Конгресса, — призывала В. А. Варсанофьева, — как и все мы, должны быть

[3] Архив Коми науч. центр УрО РАН. Ф. 10. Оп. 1. Д. 55. Л. 8.
[4] Там же.

твердо уверены, что никогда не будет применено ядерное оружие, что человечество ждет в будущем не массовое уничтожение и вырождение, а расцвет всех творческих сил и возможностей освобожденных от войны народов»[5].

Другое свое выступление по вопросу борьбы за мир сама В. А. Варсанофьева озаглавила «Выступление в связи с созывом “Конгресса за всеобщее разоружение и мир” в Москве». Документ не датирован, но Всемирный конгресс за всеобщее разоружение и мир, проходивший в Москве, состоялся 9–14 июля 1962 г. Радиовыступление В. А. Варсанофьевой вновь должно было его предварять. Оно вновь содержало официальную, можно сказать, пропагандистскую версию истории борьбы Советского Союза за мир. Но снова искренняя ненависть автора к войне просто сочится со страниц документа, несмотря на совершенно литературный язык выступления: «Вторая мировая война была новым этапом “эволюции” орудий и способов уничтожения людей, причем уничтожению подвергались не только воины, сражающиеся на фронте. Ассортимент бомб, изобретенных к тому времени, сбрасывался на города, уничтожал мирное население и культурные сокровища, созданные человеческим гением»[6]. И дальше — слова ученого и яростного борца за охрану окружающей среды: «Атомное оружие несет всему живому населению земного шара неизбежную гибель. Уже сейчас продуктами атомного распада заражены огромные пространства, целые океаны, хранящие основные запасы белковой пищи для человечества. До предела поднимается содержание продуктов распада в атмосфере»[7]. Можно предположить, что какие-то тезисы выступления были предложены В. А. Варсанофьевой заранее, но часть фрагментов, таких как процитированный нами фрагмент о вреде, наносимом окружающей среде, несомненно, принадлежат ей самой. «Но дело спасения человечества — не только дело правящих кругов, — говорила В. А. Варсанофьева и, будучи оптимистом, заканчивала: — Мы видим, как возрастает значение движения за мир среди народов капиталистических стран, мы горячо призываем их к участию в великой борьбе. Мы верим, что в этой борьбе за жизнь и за смерть победит стремление к жизни, к мирному развитию и процветанию человечества»[8].

Женщина-ученый даже в 50-х гг. XX в. — явление в мировых масштабах очень редкое, можно сказать эксклюзивное. Женщина-ученый, которая достигла вершин научной иерархии — званий доктора и профессора, тем более академика, имела опубликованные научные труды, руководила научными институтами, кафедрами, лабораториями, — явление совершенно уникальное. И в СССР подобных женщин в этот период существовало больше, чем

[5] Архив Коми науч. центр УрО РАН. Ф. 10. Оп. 1. Д. 55. Л. 9, 10.
[6] Там же. Л. 2.
[7] Там же. Л. 3.
[8] Там же.

где бы то ни было в мире. Очевидно, они пользовались авторитетом в определенных кругах просто в силу своего существования и жизненного успеха. И эти «определенные круги» состояли преимущественно из женщин, причем не только советских, но и зарубежных. Мысль о том, что само существование в стране женщин-ученых следует использовать ради пропаганды достижений Советской власти за рубежом, возникла уже в середине 30-х гг. XX в. В начале марта 1935 г. в секретариате Н. К. Крупской, занимавшей в тот момент должность заместителя народного комиссара по просвещению, было получено письмо Василия Васильевича Крамера (1876–1935), бывшего лечащего врача В. И. Ленина, с просьбой оказать поддержку женщинам-ученым. Оно датировано 1-м марта 1935 г., за месяц до смерти автора. В. В. Крамер утверждал, что «наличие женщин в первом ряду ученых Союза имеет политическое значение»[9], но почему-то СССР их не использует должным образом: «Мы почти не посылаем за границу женщин-ученых, в то время как артистки, писательницы и физкультурницы неоднократно знакомили Запад с нашими достижениями в области их специальности»[10]. Уже 13 марта секретарь Н. К. Крупской переслал письмо В. В. Крамера в Комиссию содействия ученым в сопровождении собственноручной записки Надежды Константиновны о том, что ей «его (В. В. Крамера. — *О. В.*) предложения кажутся целесообразными»[11]. В. В. Крамер не был первым, высказавшим подобную идею, хотя можно предположить, что именно он первым обратил внимание руководства страны на эту проблему. В 1933 г. в предисловии к книге Амалии Гельштейн «Женщины в советской науке» М. Левар писал: «Буржуазные легенды о неспособности, якобы, женщины заниматься наукой наряду с другими многочисленными легендами, вдребезги разбиты нашей действительностью. Путь советской женщины важен и интересен тем, что он показывает дорогу трудящимся массам женщин капиталистического Запада, на примере своих раскрепощенных сестер по классу видящих, какие грандиозные перспективы раскрывает пролетарская революция перед женщинами. Этот пример важен и поучителен. На нем будут учиться миллионы» [Гельштейн 1933, с. 8].

И действительно, в 30-х гг. XX в. советских женщин-ученых высокого ранга начали привлекать для работы, прежде всего, с зарубежными женскими и студенческими аудиториями, хотя до начала Великой Отечественной войны такие случаи, как нам кажется, все-таки были довольны редки. Лина Соломоновна Штерн (1875–1968), доктор медицины, получившая свою степень в Женевском университете и ставшая впоследствии первой женщиной — профессором этого университета, приехала в СССР 1925 г. и вскоре возглавила

[9] ГАРФ. Ф. 4737. Оп. 1. Д. 722. Л. 7.
[10] Там же. Л. 7 об.
[11] Там же. Л. 5, 6.

Институт физиологии АН СССР. В 1939 г. ее избрали действительном членом АН СССР — первую женщину, получившую этот статус. В автобиографии 1948 г. Л. С. Штерн писала о том, что иностранные ученые, которых она знала по своей работе в Европе, часто посещали ее институт в Москве в предвоенный период и что она использовала «приезд иностранных ученых… для ознакомления их с научными достижениями Советского Союза, для освещения ряда вопросов в области нашего культурного строительства»[12]. Успешность этих демонстраций Л. С. Штерн, по ее собственным словам, имела возможность проверить во время многочисленных заграничных командировок: «Во время моих командировок заграницу я помимо научных докладов выступала и с докладами, освещающими положение науки в Советском Союзе и роль женщины. Так, например, во время последней командировки в Бельгию [и Англию] в 1935 г., я, помимо большого числа докладов в университетах Брюсселя, Лювена и других городов, прочла большой доклад в Международной лиге университетских женщин и в студенческих организациях как о роли женщины, так и о положении и жизни нашего студенчества. Эти доклады, [которые я повторила и в Англии] вызвали большой интерес, что и сказалось в большой тяге [иностранных] научных работников в наш Союз»[13].

С началом Великой Отечественной войны авторитет, которым обладали некоторые советские женщины-ученые у зарубежных женских организаций, был использован в целях пропаганды позиций СССР на международной арене. Биограф Лины Соломоновны В. Б. Малкин, например, пишет: «В 1941 г. Штерн была избрана в президиум Антифашистского женского комитета и Еврейского антифашистского комитета. 1 июля 1941 г. было опубликовано и транслировалось радиообращение Штерн ко всем членам Международной лиги университетских женщин» [Малкин 1995]. Л. С. Штерн состояла членом Еврейского антифашистского комитета с 1942-го по 1948 г. и заплатила за участие в его работе арестом, тюремным заключением и ссылкой [Там же]. В состав Антифашистского женского комитета (не еврейского) вошли и другие женщины-ученые. Например, упоминавшаяся выше В. А. Варсанофьева писала в одной из своих автобиографий: «С 1942 г. участвую в работе Антифашистского комитета советских женщин (выступления по радио, статьи для зарубежных стран и т. п.)» [Варсанофьева 1990, с. 21]. Вероятно, одним из факторов, повлиявших на привлечение женщин-ученых к этой работе, помимо личных зарубежных связей и членства в зарубежных организациях (Л. С. Штерн являлась членом Лиги университетских женщин, но у В. А. Варсанофьевой подобных связей не было), было свободное владение иностранными языками, позволявшее им выступать по радио, напрямую обращаясь к своей аудитории.

---

[12] Архив РАН. Ф. 1565. Оп. 2. Д. 18. Л. 11 об., 12.

[13] Там же. Л. 12, 12 об.

Во время Великой Отечественной войны женщин-ученых привлекали к выступлениям, рассчитанным не только на иностранную аудиторию. Очень кратко и при этом емко описала свои военные занятия В. А. Варсанофьева в письме от 31 января 1942 г. Степану Дмитриевичу Яхонтову, ее школьному учителю: «Я, как москвичка, не считала возможным оставить Москву в тяжелое для нее время. Летом работала в группе самозащиты нашего Института и в ночи налетов всегда дежурила на крыше, наблюдала картины воздушных боев. С небольшим только перерывом во второй половине октября и начале ноября, в нашем Институте идут занятия, и я читаю лекции. Теперь придется читать и в Университете, где возобновляются занятия. Кроме того, читаю эпизодические лекции для наших бойцов в лазаретах, а недавно ездила читать в прифронтовую полосу, откуда вернулась с прекрасными впечатлениями»[14]. Конспекты этих военных выступлений В. А. Варсанофьевой частично сохранились в ее личном фонде в Российском государственном архиве экономики. В. А. Варсанофьева убеждала своих слушателей в том, что у СССР достаточно природных ресурсов для победы в войне. Путевки для чтения лекций в воинских частях, на предприятиях Москвы и Ташкента, выданные районным комитетом ВКП(б) Киевского района Москвы, окружным домом Красной Армии Среднеазиатского военного округа, Ташкентским горисполкомом за 1942–1943 гг., сохранились в фонде выдающегося советского историка, академика[15] АН СССР М. В. Нечкиной (1901–1985)[16].

Женщины-ученые не отказывались, когда им предлагали внести свой вклад, выступая перед людьми, будь это их зарубежные коллеги или бойцы Красной армии, если это могло принести какую-то пользу. Сохранились свидетельства того, что молодые женщины — научные сотрудники, которых никто не привлекал к подобной деятельности и работа которых никак не была связана с военной тематикой, тяжело переживали свою ненужность. Например, молодая сотрудница Кандалакшского заповедника, орнитолог Наталия Владимировна Миронова, только что, в 1940 г., закончившая университет, писала 28 июня 1941 г. отцу в Ленинград: «…морально тяжело сейчас работать над вещами, которые не дают ощутимых результатов в данный момент. Думаю, что если попаду в Ленинград, то начну любую работу по специальности» [Письма из заповедника 2020, с. 177].

Геоботаник, доктор биологических наук Анастасия Михайловна Семенова-Тян-Шанская (1913–1992), в 1941 г. бывшая молодым сотрудником отдела геоботаники Ботанического института в Ленинграде, в начале лета пережила

[14] РГАЭ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 177. Л. 68, 68 об.

[15] М. В. Нечкина избрана членом-корреспондентом АН СССР по отделению истории в 1953 г.; академиком — в 1958 г.

[16] Архив РАН. Ф. 1820. Д. 344.

серьезную операцию. Из-за этого к началу войны многие виды деятельности были для нее недоступны, но это не остановило ее в желании быть полезной и приносить максимальную пользу: «Я вышла на работу после операции 25 июня, и меня поэтому ни разу не послали на рытье окопов и другие тяжелые работы, и я не могла идти добровольцем на мобилизационный пункт, как сразу же пошла Марианна Николаевна. Но я сразу же, конечно, пошла в госпиталь. В тот же самый челюстно-лицевой на базе стоматологической клиники проф[ессора] Львова <…> в 1-м медицинском институте. <…> На этот раз[17] приходилось дежурить не только ночью, но и днем. Я привлекла к этой работе сестру Веру, и мы дежурили с ней по очереди: она — днем, я сменяла ее ночью. <…> После ночного дежурства я шла в 9 часов в БИН — ехать домой не имело смысла» [Семенова-Тян-Шанская 2013, с. 277]. Биохимик Ирина Николаевна Блохина (1921–1999), впоследствии академик АН СССР и Российской академии медицинских наук, директор горьковского НИИ эпидемиологии и микробиологии, рассказала в интервью с журналисткой Инной Кошелевой о военном начале своей научной карьеры. И. Кошелева пишет об этом следующее: «Как только началась война, Ирина Блохина, все еще только девочка, пошла на военный мобилизационный пункт. Следуя старинной традиции русских женщин служить своей стране в минуту тяжелых испытаний, она потребовала, чтобы ей разрешили внести свой вклад. Она попросилась стать медсестрой. Как медсестра в военном госпитале, она быстро приобрела необходимые навыки и квалификации. Более того, она училась в медицинском институте и стала врачом в районном центре переливания крови. Только после завершения войны она начала заниматься научными исследованиями» [Kosheleva 1983, p. 161]. Более квалифицированные женщины-ученые также старались, чтобы их знания и навыки приносили максимальную пользу в военное время. Доктор медицинских наук, основатель советской вирусологии, открыватель клещевого энцефалита и одна из создательниц вакцины от него Елизавета Николаевна Левкович (1900–1982) с 16 октября по декабрь 1942 г. заведовала лабораторией сыпного тифа в Томске, организовав выпуск сыпнотифозной вакцины для Сибири и Кузбасса. Выдающийся гистолог, член-корреспондент АН СССР Борис Иннокентьевич Лаврентьев писал ей 17 ноября 1942 г.: «К нам едет начальник противоэпидемического отд[еления] санчасти СИБВО[18] Вениамин Львович Портных. Для СИБВО очень важной является вакцинация против сыпного тифа. Санчасть надеется на ВИЭМ[19], что мы им поможем. Очень важно, чтобы В. Л. договорился с Вами лично, в каких количествах мы могли бы обеспечить

[17] Впервые А. М. Семенова-Тян-Шанская начала дежурить в госпитале во время Советско-финской войны.

[18] СИБВО — Сибирский военный округ.

[19] ВИЭМ — Всесоюзный институт экспериментальной медицины.

СИБВО вакциной. В этом отношении личный контакт будет иметь большое значение. Очень прошу ознакомить В. Л. с Вашей работой» [Воспоминания 2001, с. 155–156]. В. Б. Малкин писал о деятельности Л. С. Штерн в первые месяцы и даже годы войны: «С первых месяцев Великой Отечественной войны Штерн пропагандирует разработанный под ее руководством метод лечения травматического шока посредством введения в большую цистерну головного мозга фосфорнокислого калия. Ей удается официально утвердить этот метод. Его начинают использовать советские хирурги в полевых госпиталях. Штерн организует противошоковые бригады, в которые командирует научных сотрудников Института физиологии, и с одной из них сама выезжает в 1941 г. на Западный фронт. Одновременно она ведет интенсивную переписку со многими военными хирургами, получает от них информацию об эффективности нового метода лечения шока, дает им советы, обсуждает результаты лечения. В 1943 г. Штерн за выдающиеся работы по гематоэнцефалическому барьеру была награждена Сталинской премией. Денежную премию — 100 тыс. руб. — она передала на строительство санитарного самолета» [Малкин 1995]. Это стремление быть полезной своей стране в тяжелые военные годы очень характерно для советских женщин-ученых. Даже если их профессия была далека от медицины и биологии, они в большинстве своем в этот период перешли на выполнение военных тем и заданий, не считаясь с собственными интересами и предпочтениями [Валькова 2010; Валькова 2013] и даже с ценой, которую им приходилось платить [Валькова 2019].

В этом они были согласны с правительством, стремившимся использовать их возможности наиболее эффективно. Можно предположить, что официальное мнение советского руководства по этому поводу высказано в подцензурной книге журналистки и писательницы Инны Яковлевны Кошелевой «Women in Science», опубликованной в 1983 г. в московском издательстве «Прогресс» на английском языке и предназначавшейся для зарубежной аудитории: «Чем ярче женская индивидуальность, тем больше ее потенциал в науке, шире ее гражданские взгляды и тем больше объем работы, доверенный ей. Наука требует полностью развитой личности. Очень часто и совершенно естественно наука выдвигает своих ярчайших и наиболее талантливых последователей, нагружая их общественной работой и национальной, и политической» [Kosheleva 1983, p. 157].

Список литературы

Валькова 2010 — *Валькова О. А.* Советские женщины-ученые в Великой Отечественной Войне (1941–1945) // Юбилейная научная конференция, посвященная 65-летию победы в Великой Отечественной войне, 27–28 апреля 2010, Москва / отв. ред. В. П. Борисов. М. : ИИЕТ РАН, 2010. С. 33–47.

Валькова 2013 — *Валькова О. А.* Обыденный подвиг: повседневная жизнь советской женщины-ученого в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Патриотизм и гражданственность в истории России : сборник материалов Международной научной конференции, 14–15 марта 2013, Санкт-Петербург / под общ. ред. В. Н. Скворцова. СПб. : ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2013. С. 183–187.

Валькова 2019 — *Валькова О. А.* Неизвестное письмо астронома Н. М. Субботиной к В. Л. Комарову // История науки: источники, памятники, наследие. Третьи чтения по историографии и источниковедению истории науки и техники: к 150-летию со дня рождения президента АН СССР академика Владимира Леонтьевича Комарова (1869–1945), 15–17 октября 2019, Москва / ред.-сост. Е. В. Минина. М. : Янус-К, 2019. С. 61–64.

Варсанофьева 1990 — *Варсанофьева В. А.* Автобиография // Вера Александровна Варсанофьева : сборник / ред.-сост. Н. В. Калашников, Н. П. Юшкин, Н. А. Боринцева. Сыктывкар : Коми науч. центр УрО АН СССР, 1990. 186 с.

Воспоминания 2001 — Воспоминания о Е. Н. Левкович (основоположники отечественной медицинской вирусологии) / отв. ред. В. В. Погодина. М. : Наука, 2001. 201 с.

Гельштейн 1933 — *Гельштейн А.* Женщины в советской науке / предисл. М. Левар. Л. : Леноблиздат, 1933. 100 с.

Кочина 1974 — *Кочина П. Я.* Воспоминания. М. : Наука, 1974. 299 с.

Малкин 1995 — *Малкин В. Б.* Трудные годы Лины Штерн // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР : сб. ст. / сост., авт. предисл. И. Г. Арефьева. М. : Наука, 1995. С. 156–181.

Письма из заповедника 2020 — Письма из заповедника: 1940–1946 / авт.-сост. А. Горяшко, Л. Миронова ; под ред. М. Калякина, О. Максимовой ; предисл. М. Калякина. СПб., 2020. 295 с.

Семенова-Тян-Шанская 2013 — *Семенова-Тян-Шанская А. М.* Записки о пережитом / сост. М. А. Семенов-Тян-Шанский, А. Ю. Заднепровская. СПб. : Анатолия, 2013. 340 с.

Kosheleva 1983 — *Kosheleva I.* Women in Science / transl. from the Russ. by F. Longman. Moscow : Progress Publishers, 1983. 170 p.

References

Gel'shtein, A. (1933), *Zhenshchiny v sovetskoi nauke* [Women in Soviet Science], preface by Levar, M., Lenoblizdat, Leningrad, 100 p. (in Russian).

Goryashko, A. and Mironova, L. (eds) (2020), *Pis'ma iz zapovednika: 1940–1946* [Letters from the reserve: 1940–1946], Saint Petersburg, 295 p. (in Russian).

Kochina, P. Ya. (1974), *Vospominaniya* [Memories], Nauka, Moscow, 299 p. (in Russian).

Kosheleva, I. (1983), *Women in Science*, translated by Longman, F., Progress Publishers, Moscow, 170 p.

Malkin, V. B. (1995), "The Difficult Years of Lina Stern", in Aref'eva, I. G. (ed.), *Tragicheskie sud'by: repressirovannye uchenye Akademii nauk SSSR, sbornik statei* [Tragic Fates: Repressed Scientists of the USSR Academy of Sciences, a Collection of Articles], Nauka, Moscow, pp. 156–181 (in Russian).

Pogodina, V. V. (ed.) (2001), *Vospominaniya o E. N. Levkovich (osnovopolozhniki otechestvennoi meditsinskoi virusologii)* [Reminiscences on Professor Elizabeth Levkoich (the founders of Russian medical virology)], Nauka, Moscow, 201 p. (in Russian).

Semenova-Tyan-Shanskaya, A. M. (2013), *Zapiski o perezhitom* [Notes about the experience], Anatoliya, Saint Petersburg, 340 p. (in Russian).

Val'kova, O. A. (2010), "Soviet women scientists in the Great Patriotic War (1941–1945)", in Borisov, V. P. (ed.), *Yubileinaya nauchnaya konferentsiya, posvyashchennaya 65-letiyu pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine, 27–28 aprelya 2010, Moskva* [Anniversary scientific conference dedicated to the 65th anniversary of victory in the Great Patriotic War, Moscow, April 27–28, 2010], Institute of the History of Natural Science and Technology RAS, Moscow, pp. 33–47 (in Russian).

Val'kova, O. A. (2013), "Everyday Heroic Deed: the Daily Life of a Soviet female scientist during the Great Patriotic War (1941–1945)", in Skvortsov, V. N. (ed.), *Patriotizm i grazhdanstvennost' v istorii Rossii, sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, 14–15 marta 2013, Sankt-Peterburg* [Patriotism and citizenship in the history of Russia, Proc. of the International Conference, Saint Petersburg, March 14–15, 2013], Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, pp. 183–187 (in Russian).

Val'kova, O. A. (2019), "An Unknown Letter of the Astronomer N. M. Subbotina to V. L. Komarov", in Minina, E. V. (ed.), *Istoriya nauki: istochniki, pamyatniki, nasledie. Tret'i chteniya po istoriografii i istochnikovedeniyu istorii nauki i tekhniki: k 150-letiyu so dnya rozhdeniya prezidenta AN SSSR akademika Vladimira Leont'evicha Komarova (1869–1945), 15–17 oktyabrya 2019, Moskva* [History of Science: Sources, Monuments, Heritage, Third readings on historiography and source studies of the History of science and technology, to the 150th anniversary of the birth of the President of the USSR Academy of Sciences, Academician Vladimir Leontievich Komarov (1869–1945), Moscow, October 15–17, 2019], Yanus-K, Moscow, pp. 61–64 (in Russian).

Varsanof'eva, V. A. (1990), "Autobiography", in Kalashnikov, N. V., Yushkin, N. P. and Borintseva, N. A. (eds), *Vera Aleksandrovna Varsanof'eva* [Vera Alexandrovna Varsanofieva], Komi scientific Center of the Ural Branch of the Academy of Sciences of the USSR, Syktyvkar, 186 p. (in Russian).

Рукопись поступила в редакцию / Received: 2.02.2022
Принята к публикации / Accepted: 10.02.2022

Информация об авторе

Валькова Ольга Александровна
доктор исторических наук, профессор
Институт истории естествознания
и техники РАН
125315, Россия, Москва,
ул. Балтийская, 14
E-mail: o-val2@yandex.ru
Авторский ORCID: 0000-0002-4158-110X

Information about author

Valkova, Olga Aleksandrovna
D. Sci (History), Professor
Institute for the History of Science and
Technology, Russian Academy of Sciences
14 Baltiiskaia St., Moscow, 125315 Russia
E-mail: o-val2@yandex.ru
Author's ORCID: 0000-0002-4158-110X